

Он хотел кусать, есть, но это оставило бы следы, которые могли бы выдать их. Облизывание было уже его сдержанным компромиссом.

Особенно сейчас, когда он понял, как Дай Линьсюань переживает за него, Лай Ли не чувствовал ни капли грусти или печали, которые должны были бы быть у нормального человека, а наоборот, был невероятно... возбуждён.

Как будто все поры его тела раскрылись. Бесчисленные потоки тепла проникли внутрь, пронизывая каждую конечность, каждый нерв, каждую клетку, и наконец сжимая сердце.

Невероятно приятно.

Лай Ли укусил руку, осторожно подавляя дрожь, покорно опёрся на плечо брата, притворяясь собакой, которая пережила слишком много травм и поэтому стала «немного» ненормальной.

Конечно, собаки могут кусаться.

Поэтому он должен был скрыть свои «нормальные» желания, которые были для него естественны, и выразить свою преданность и безобидность по отношению к Дай Линьсюаню.

И самое главное — слабость.

Нельзя пугать брата, но нужно оставить его.

Дай Линьсюань заметил движение Лай Ли и схватил его руку, не давая кусать:

— Ты...

Лай Ли знал, что Дай Линьсюань неправильно понял, но не стал объяснять. Он наклонил голову, с ноткой скрытого озорства в голосе:

— Ты не хочешь знать, пережил ли я что-то подобное?

Дай Линьсюань медленно опустил руку, обнял Лай Ли за талию и прижал к себе.

Лай Ли сказал:

— Как в слухах, я грязная вещь, которую использовали, только объектом был не ты, а...

Дай Линьсюань снова перебил:

— Не говори о том, чего не было, чтобы проверить меня.

Лай Ли замолчал.

Дай Линьсюань обнял его за шею, погладил волосы:

— Даже если бы это было, единственное отличие от "сражений сверчков" — это разница в юридическом обвинении и наказании. Для меня это одно и то же: это вред, причинённый тебе.

— Не ставь себя в позицию, где тебя будут оценивать, — Дай Линьсюань глубоко закрыл глаза.

— Пожалуйста, береги себя.

— Я с таким трудом... вырастил тебя.

Дай Линьсюань не знал, почему не закончил, но Лай Ли почувствовал в его дрожащем голосе глубокую боль, настолько сильную, что даже его брат, который всегда умел скрывать свои чувства, не смог её сдержать, и это было не только из-за переживаний.

Лай Ли попытался понять, но не смог.

— Этого действительно не было, — он с сожалением сказал. — Иногда я специально проигрывал.

Наблюдать, как его «наблюдатель» злится, приносило ему садистское удовольствие, даже если цена была побоями и бесконечным голодом.

Лай Ли сказал:

— Так на меня не обращали внимания. Но нельзя было проигрывать слишком много, иначе могли продать на "разборку".

Он контролировал соотношение побед и поражений: проигрывал, когда наблюдатель хотел отыгаться, и выигрывал, когда тот думал, что поражение неизбежно.

Он манипулировал его эмоциями, превращая его в безнадёжного игрока.

Тот человек однажды стал сумасшедшим из-за постоянных взлётов и падений, но не мог продать Лай Ли.

Возможно, в следующий раз он отыграется.

За одним следующими разом следовало бесчисленное множество других.

Лай Ли сказал:

— Пока я мог выигрывать, он не продавал меня. Купить нового сверчка могло быть хуже, чем я, и это, возможно, было единственным, на что он не решился поставить...

Голос Дай Линьсюаня был почти неслышным:

— Не называй себя сверчком.

Лай Ли послушно исправился:

— Я ошибся.

— Ты должен извиниться перед собой, и... — Дай Линьсюань почувствовал жар в горле. — Я тоже.

Лай Ли с недоумением:

— За что ты извиняешься передо мной?

Дай Линьсюань незаметно выдохнул, погладил его шею, отпустил талию и тихо сказал:

— Я должен был раньше узнать об этом.

— Я не хотел говорить. Я не хотел, чтобы ты видел эту грязь, — Лай Ли недовольно сказал. — Брат, не бери на себя всю ответственность. Моя болезнь не имеет к тебе отношения.

— Конечно, имеет...

— Нет, — Лай Ли посмотрел на него. — Когда ты только взял меня, ты нашёл мне психолога? Даже он ничего не заметил, что ты мог сделать?

Дай Линьсюань не нашёл слов.

— Моя жизнь до десяти лет была такой, пока ты не появился, — Лай Ли слегка улыбнулся. — Это награда за то, что я выжил первые десять лет. Я заслужил это.

Дай Линьсюань сжал горло, не мог говорить. Его кадык слегка двигался.

На самом деле, если бы не он, правительство позже провело бы операцию по очистке, устроив этих бездомных детей... Лай Ли, возможно, получил бы приёмных родителей, которые очень любили бы его, может быть, не таких богатых, но дающих много правильной любви и воспитания.

Но, возможно, преступления, связанные с «сражениями сверчков», были слишком незначительны по сравнению с другими делами и даже не заняли места в отчёте о чистке двенадцать лет назад.

— Брат, я живу только благодаря тебе. Я хочу жить только в твоём мире, — Лай Ли снова обнял Дай Линьсюаня, укусил его ключицу и облизал. — Ты не можешь бросить меня.

Прошло некоторое время, но Лай Ли не услышал ответа.

Он нахмурился:

— Брат?

Дай Линьсюань, казалось, только сейчас очнулся, тихо ответил:

— Угу.

Сейчас Лай Ли, вероятно, мог бы сделать что угодно, и ему бы не отказали. Он был готов попробовать, но в итоге сдержался.

Нельзя быть слишком наглым, иначе можно спугнуть брата.

Порог нужно поднимать постепенно, а границы — медленно снижать.

Лай Ли хорошо это понимал.

Они поговорили ещё некоторое время. Дай Линьсюань задал несколько вопросов о деталях, например, как звали того, кто купил Лай Ли.

— Не знаю полного имени, — Лай Ли сказал. — Его звали Хуан Шоуцзы.

Дай Линьсюань выдохнул. Прошло двенадцать лет. Если тот не совершил других серьёзных преступлений, он, вероятно, уже вышел из тюрьмы, или его вообще не поймали.

Он похлопал Лай Ли по спине:

— Я пойду помыть руки. На ногах есть синяки?

Лай Ли кивнул.

Дай Линьсюань спросил:

— Сам намажешь или я помогу?

— Ты поможешь.

Лай Ли, конечно, не стал бы делать это сам. Но если бы не этот разговор, Дай Линьсюань, вероятно, не предложил бы ему помочь.

Он улыбнулся, слушая звук воды в ванной, и с удовольствием уткнулся в подушку брата.

Дай Линьсюань выключил воду, вытер губы салфеткой. Затем, вытирая руки, подошёл к кровати, спрятав все свои эмоции глубоко внутри.

Когда он заговорил, его голос снова стал спокойным:

— Подними штанины.

Лай Ли посмотрел на широкие штаны и решил, что по возвращении заменит все свои пижамы и пижамы брата.

<http://tl.rulate.ru/book/5558/195072>